

DOI 10.15393/j9.art.2015.2942

УДК 821.161.1.09“19”-3

Оксана Александровна Сосновская*Петрозаводский государственный университет**(Петрозаводск, Российская Федерация)*

sosna2679@yandex.ru

**И. С. ШМЕЛЕВ и В. Г. КОРОЛЕНКО:
ОБРАЗ УЧЕНОГО
В ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XIX—XX вв.***

Аннотация. Развитие художественной словесности на рубеже XIX—XX веков характеризуется настойчивым поиском новых духовно-нравственных ориентиров и художественных образов, необходимых для выражения мироощущения эпохи. Одним из таковых стал образ ученого, появившийся в литературе этого периода как художественное целое. Настоящая работа представляет собой попытку исследовать этот образ на материале произведений двух авторов — повести «В новую жизнь» И. С. Шмелева и повести «С двух сторон» В. Г. Короленко. Выбранные для анализа произведения перекликаются на разных художественных уровнях. Объединяет их и наличие реального прототипа образа ученого, которым стал известный ботаник К. А. Тимирязев. В обоих произведениях герой-ученый является наставником для молодых героев, помогающим им найти свой путь в жизни. Герои-ученые Шмелева и Короленко представляют собой новое видение образа человека науки в литературе.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, В. Г. Короленко, образ ученого, генезис образа, наставник, прототип

Проблема трансформации образа ученого на рубеже XIX—XX веков до настоящего времени не была предметом специального исследования. Возможно, непопулярность данной темы связана с тем, что в литературе рубежа веков герой-ученый встречается нечасто. Богата образами человека науки литература второй половины XX века, когда развитие научно-технической мысли достигло высокого уровня. Трансформация образа ученого обусловлена многими изменениями, которые претерпевает как литература, так и культура и общество в целом. Популяризация научных знаний, возрастающий к ним интерес, новые явления и процессы, имевшие место в развитии естествознания и техники

в первой половине XX века приводят к тому, что герой-ученый все чаще становится действующим лицом художественных произведений.

До XIX века «образы ученого не занимали сколько-нибудь заметного места в искусстве» [2, 244]. Западноевропейская литература XIX века представляет довольно широкий спектр героев-ученых. Самой заметной и доминирующей традицией их изображения являлось художественное переосмысление разными авторами (преимущественно немецкими) «бродячего» сюжета договора человека с дьяволом, наиболее известное воплощение которого представлено в поэме И. В. Гете «Фауст». Ученый, таким образом, предстает как некое мистическое существо, чернокнижник, стремящийся к познанию любой ценой.

Другими заметными тенденциями изображения ученых в зарубежной литературе XIX века являются художественное представление их либо полусумасшедшими творцами (М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей»), либо героями фантастических произведений (Г. Уэллс «Человек-невидимка», «Остров доктора Моро», А. К. Дойль «Приключения Шерлока Холмса» и др.). Несколько отличаются герои-ученые Ж. Верна, посвятившего большинство своих произведений воспеванию науки. Его роль в развитии у читателя интереса к людям, ею занимающимся, велика и неоспорима. Но и у Ж. Верна эти герои, несмотря на всю их преданность науке, — «чудаки, являющиеся приверженцами одной фанатичной идеи и неосознанно творящие добро и зло, что может привести как к удивительному открытию, так и к глобальной катастрофе» [1, 53], а в «более поздних произведениях <...> ученые-безумцы, ослепленные манией величия и жаждущие накормить свою алчную натуру несметными богатствами и безграничной властью» [1, 54].

Также следует отметить появление в западноевропейской литературе конца XIX века героя-интеллектуала, размышляющего над смыслом жизни и назначением человека. Такими учеными-интеллектуалами, иногда чудаковатыми, комичными, неприспособленными к жизни вне своих «ученых» кабинетов, для которых занятие наукой служит некой отду-

шиной от быта, способом отстранения от реальной жизни и возможностью более глубоко ее осмыслить, были герои А. Франса (академик С. Боннар из «Преступления Сильвестра Боннара», профессор Бержере из цикла «Современная история»).

В контексте русской литературы XIX века более уместно говорить о чертах героя-ученого (как правило, врача и отчасти учителя). Такие черты можно обнаружить в героях М. Ю. Лермонтова (Вернер из романа «Герой нашего времени»), А. И. Герцена (Крупов из повести «Доктор Крупов»), И. С. Тургенева (Базаров из романа «Отцы и дети») и др. Зачастую «доктора <...> — персонажи второго плана» [6, 64]. Их профессиональный облик не является художественной доминантой. Начиная с лермонтовского Вернера герои-медики — «скептики и материалисты». В наше время данная философская дефиниция служит лишь указанием на принадлежность к определенного рода мировоззрению. В XIX веке слово «материалист» скорее имело негативную коннотацию. Согласно словарю В. И. Даля, это человек без моральных и нравственных устоев¹. Комплекс мотивов, связанных с образом ученого-врача (мотив превосходства и избранности, мотив бессилия врачей, мотив бесполезности профессии) настойчиво повторяется в произведениях авторов «золотого века» литературы.

На рубеже веков акценты в трактовке образа ученого несколько меняются. Герои А. П. Чехова и В. В. Вересаева уже не второстепенные персонажи, а главные действующие лица. Сделавшись смысловым центром повествования, они определяют его тему и идею. Герои-ученые (врачи) Чехова и Вересаева стремятся воплотить в жизнь идеал жертвенного служения науке, они верят в прогресс и знания, но сталкиваются с непреодолимыми жизненными обстоятельствами, бытом, косностью общества, следствием чего становится их разочарованность в профессии и жизни, ощущение ее бессмысленности, одиночества, безысходности.

Палитра героев-ученых в начале XX века пополнилась образами астрономов (пьеса «К звездам» Л. Андреева), физиков («Жидкое солнце» А. И. Куприна), математиков («Мо-

сква» А. Белого), профессоров медицины («Собачье сердце» М. А. Булгакова). Здесь наблюдается намеченная еще в литературе XIX века тенденция либо к параллельному изображению ученых и душевнобольных, либо близость к сумасшествию самого героя-ученого (например, в рассказе Л. Андреева «Мысль»), который иногда оказывается в учреждении для умалишенных (профессор Коробкин из романа А. Белого «Москва» [8, 311]). Яркая черта этого образа — фатальная одержимость какой-либо идеей, усугубляющая абсурдность существования и лишаящая образы реально-бытовой основы.

Иное художественное видение человека науки наблюдается у И. С. Шмелева и В. Г. Короленко, стремившихся показать «идеальный тип русского ученого» [4, VIII]. Важность этой художественной идеи Шмелев выразил в письме к редактору журнала «Юная Россия» Е. Н. Тихомировой, черновик которого сохранился в рукописных материалах к повести «В новую жизнь». В этом письме Иван Сергеевич высказывает свою убежденность, что «лучшая² жизнь <...> придет <...> при общих усилиях людей труда и науки»³.

Одним из аспектов генезиса художественного образа ученого в произведениях Шмелева и Короленко является углубление его профессиональной составляющей. По сравнению с предшествующей литературной традицией оба писателя не просто подчеркивают детали, характеризующие профессиональный облик героя-ученого, но и выдвигают их на первый план. И Шмелев, и Короленко делают образ ученого более многогранным, соединяя его с образом наставника, имеющим в литературе древние корни и ассоциирующимся с мудростью, способностью научить, направить, стать образцом для подражания.

И Короленко, и Шмелев видели такого наставника для себя и своих современников в великом русском ученом К. А. Тимирязеве, встреча с которым произошла в годы их обучения: Короленко — в Петровской земледельческой и лесной академии, Шмелева — в Московском университете. Владимир Галактионович был студентом и помощником Тимирязева. Иван Сергеевич, учась на юридическом факульте-

те, посещал лекции и занятия известного ботаника. Именно профессор Тимирязев стал прототипом «идеального образа ученого» повести «В новую жизнь» И. С. Шмелева и рассказа «С двух сторон» В. Г. Короленко.

Повесть «В новую жизнь», опубликованная в 1907 году, изначально задумывалась автором как очерк о деревенской жизни. Лишь через несколько лет Шмелев, вернувшись к работе, полностью меняет замысел, перерабатывая очерк в повесть-«одиссею» [7, 37] деревенского мальчишки, вынужденного бросить горячо любимую им деревню и работать за гроши в чуждом ему городе. Главная идея нового художественного замысла — выбор героем своего жизненного пути — обуславливает введение в повествование наставника (профессора Фрязина) как проводника в поиске истины.

Схожие причины побудили В. Г. Короленко через 26 лет переделать вышедший в печати в 1888 году рассказ «С двух сторон» и ввести в систему персонажей новый образ — профессора ботаники Изборского.

Одним из важных средств формирования целостного образа персонажа является портрет. Несмотря на лаконичность портретных характеристик в обоих произведениях, они точно и выразительно сообщают о важных сторонах художественного образа ученого. Так, в повести «В новую жизнь» описание внешности профессора Фрязина фрагментарно и сводится к нескольким устойчивым эпитетам: «стройная, худощавая фигура»⁴, «голова с красивым лбом» (НЖ, 122), «вдумчивый взгляд» (НЖ, 99), «глаза блестящие» (НЖ, 104), «сосредоточенный глаз профессора» (НЖ, 110). Более детальная портретная характеристика есть в первом слое правки чернового автографа:

Это былъ человѣкъ лѣтъ 45⁵, высокаго роста, сухощавый⁶. Маленькая остренькая бородка⁷ и прищуренные глаза придавали его лицу серьезность и озабоченность... (ЧА, 45 об.)

В портретном описании профессора Фрязина, исключенном автором из окончательной редакции, узнаются черты внешности К. А. Тимирязева.

Узнал себя великий ботаник и в образе профессора Изборского, о чем свидетельствует надпись на книге «Жизнь растений», которую он подарил своему ученику: «Дорогому, глубокоуважаемому Владимиру Галактионовичу Короленко от сердечно признательного “Изборского”»⁸.

Рассмотрим портретную характеристику профессора в рассказе Короленко «С двух сторон»:

...очень худошав, с тонким, выразительным лицом и прекрасными, большими серыми глазами. Они постоянно лучились каким-то особенным, подвижным, перебегающим блеском. И в них рядом с мыслью светилась привлекательная, почти детская наивность⁹.

И Шмелев, и Короленко, описывая внешность героя, пользуются сходными художественно-выразительными средствами портретизации, главным из которых является эпитет. Наибольшее количество эпитетов относится к описанию глаз и взгляда профессора. Портретная деталь («глаза блестящие» — у Шмелева, «<глаза> лучились каким-то особенным, подвижным, перебегающим блеском» — у Короленко) помогает раскрыть внутренний мир героя. Этот особенный «блеск» в глазах, выражающий увлеченность, небезразличие, воодушевленность — яркая черта портретной характеристики обоих героев.

Короленко, неоднократно повторяя в тексте эту художественную деталь — «лучащийся» взгляд профессора, делает ее доминантой портретного описания Изборского. Приведем примеры: «<глаза> лучились каким-то особенным, подвижным, перебегающим блеском» (357), «глаза <...> сверкали» (357), «наивные глаза сверкали» (357), «озаряя <...> своими одушевленными и наивными глазами» (358), «лучащийся взгляд» (366), «светились прекрасные наивные глаза Изборского» (376). В большинстве случаев обращение к глазам и взгляду профессора связано с воспоминаниями главного героя о нем. Мотив воспоминаний в рассказе Короленко один из сюжетообразующих. Нравственное взросление героя, изменение его мировоззрения показаны автором «с двух сторон»: посредством событий, современных бытию героя, и ретроспективы. «Жизнь, в ее основной формуле, потеряла

всякий интерес» (371) для Потапова, она кажется ему «декорацией», «бутафорией». Воспоминания об «аромате юности» и знаменательных встречах, приходящие на память Потапову в трудные минуты, заставляют его мысль «лихорадочно работать», помогая справиться с одолевающими его сомнениями, наставить на правильный путь. Перед героем-рассказчиком «в тяжелые минуты вставали глаза Изборского, глубокие, умные и детски наивные... <...> Глаза мудреца и ребенка» (359). Внешне оксюморонное соединение слов «мудрец» и «ребенок» в художественном контексте рассказа закономерно, поскольку слово «ребенок», ассоциативно связанное не только с семантикой «юный, маленький, неопытный», но и «добрый, любопытный, чистый, наивный», вкупе со словом «мудрец» рождает сложный образ мудрого старца, обладающего детской наивностью.

Короленко вводит в литературный контекст роман Тургенева «Отцы и дети». Потапов цитирует рассуждения Базарова о невозможности «загадочного» взгляда:

Мне вспомнился Базаров.

— Простудируй анатомию глаза, — говорит он Кирсанову... — Ты найдешь разные части органа зрения... Но где ты откроешь «божественное выражение»?..

Да, несколько более влаги придает глазам блеск или туманит их... Физическое сжатие мускулов или их дрожание под влиянием того или другого раздражения... (366—367).

Короленко художественно переосмысляет цитату скептика-отрицателя Базарова. Герой-рассказчик говорит о важности именно этого «лучащегося взгляда», удерживающего его от разочарования в жизни, помогающего справиться с чувством безысходности:

Но глаза все продолжали смотреть на меня из света в темноту, волнуня и напоминая о чем-то (367).

Характер персонажа не исчерпывается описанием черт его внешности. Довольно пространные характеристики вербального проявления героев также являются выразительным средством формирования целостного представления об

образе. И у Шмелева, и у Короленко описание речевой манеры связано с ее изменением во время лекции, читаемой профессором.

Шмелев

Всегда спокойный, скупой на слова, — этот человек преобразился. Его близорукие глаза блестели, всегда ровный голос дрожал, приобрел силу и звучность и впивался в душу (НЖ, 104).

Короленко

Изборский с внешней стороны не был хорошим лектором. Порой он заикался, подыскивал слова. Но даже в эти минуты его наивные глаза сверкали таким внутренним интересом к предмету, что внимание аудитории не ослабевало. Когда же профессор Изборский касался предметов, ему особенно интересных, его речь становилась красивой и даже плавной. Он находил обороты и образы, которые двумя-тремя чертами связывали специальный предмет с областью широких общих идей... (357).

Оба описания речи героя-ученого сходны не только по экспрессивной окраске, но аналогичны и по композиционному построению. Схематично композицию описания можно представить так: обычная манера говорить — переломный момент — изменение голоса. Эффект «переломного момента» усилен противопоставлением: «спокойный», «скупой» голос профессора в описании Шмелева приобретает «звучность» и «силу». У Короленко профессор вначале «заикался», «подыскивал слова», а затем «его речь становилась красивой и даже плавной» (357). Таким образом, момент изменения речи персонажа еще более выделяется, усиливая смысловое наполнение эпизода лекции — воодушевленность речи профессора, его искреннюю увлеченность произносимым и «заражающий энтузиазм»¹⁰.

В повести Шмелева эмоциональность, взволнованность речи профессора передается особыми графическими приемами, которые помогают воспринимать письменную речь интонационно-достоверно. Это — обилие многоточий, тире,

восклицательных и вопросительных знаков. Общение с публикой на лекции подобно непринужденной дружеской беседе. Каждая фраза профессора демонстрирует последовательность, точность, выразительность. Структура фраз, как правило, такова: *лаконичный вопрос* («Но почему это так?.. почему этот страшный гость, голод, стучится настойчиво к нам, в Россию?..» (НЖ, 102—103)) — *короткий ответ* («— Темнота!.. вот враг народа...» (НЖ, 103)) — *выразительное сравнение, образ, его поясняющий* («Как солнечный луч питает растение <...> так и народу нужен луч просвещения!..» (НЖ, 103)).

Наибольшую экспрессивность обнаруживают авторские описания реакции публики на речь профессора в завершении эпизода лекции. У Шмелева эта реакция иллюстрирована эмоционально насыщенными эпитетами «тяжелое дыхание тысячи жадно слушающих людей», «гром аплодисментов покрыл слова профессора» (НЖ, 103), «многие жали его (профессора. — О. С.) руку» (НЖ, 105), «произошел фурор: апплодировали, студенты вскакивали на стулья, дамы махали платками» (НЖ, 106).

У Короленко присутствует аналогичное описание реакции аудитории на речь профессора, которая «вдруг <...> задрожала от бурных рукоплесканий» и «восторженно приветствовала» лектора (358).

В повести «В новую жизнь» И. С. Шмелева эпизод лекции — кульминационный центр произведения, что подтверждается авторской пометой на полях чернового автографа: «лекція дѣлаетъ переломъ въ Сенѣ. Она опредѣляетъ его дальнѣйшую работу, цѣль» (ЧА, 50). Наставническая линия, обозначенная автором при знакомстве героя и профессора, получает здесь свое развитие. Высокий уровень владения словом делает образ героя-наставника еще более ярким и выразительным, а все произносимое им в художественном мире повести — наставительным. Так, его речь на лекции не только «заражает» героя «жаждой знать», но и заставляет поверить в «прекрасное», которое «открылось перед ним, звало, закрывало всю пережитую, такую тяжелую и скучную,

полосу жизни» (НЖ, 107), благодаря чему «он бессознательно чувствовал, как хорошо жить» и «уснул счастливым, как никогда» (НЖ, 107).

Образ наставника в художественном мире повести Шмелева неразрывно связан с образом книги, пронизывающим всю повествовательную ткань повести. Эмоции и чувства, связанные с людьми думающими, любящими книгу, представлены автором в восторженном духе. Книга — это и «духовная пища», и то, что дарует «свет знания»: «читай и постигнешь». Первый раз войдя в комнату к приютившим его студентам, Сеня видит «на окнах, на столе и даже на полу, в углу <...> книги» (НЖ, 74), и это «признак знаменательный» (НЖ, 74), внушающий доверие к обитателям комнаты. Именно книги «откроют ему (Сене. — О. С.) новый мир, вырвут его из затхлой мастерской, со дна жизни, заронят большие надежды» [3, 36]. Профессор, давший «Сенѣ цѣлую кипу толстенькихъ книжекъ» (ЧА, 49), также сразу стал близок герою. Мечтая о будущем, Сеня представляет, что «в его комнате будет шкаф с книгами и чучелой совы, как у профессора» (НЖ, 116). Сова традиционно воспринимается как символ высшей мудрости, охраняющий знания, сокрытые в книгах¹¹. Тот же образ-символ встретится в другом детском рассказе Шмелева «Полочка» (1909), лейтмотивом которого также является положительное влияние чтения на формирование личности ребенка:

— Сова, брат, ночью не спит и во тьме видит. Вот она и сторожит всю эту мудрость, — постукал дядя по книгам¹².

Герой повести «В новую жизнь» называет профессора «своим» профессором. Неоднократно употребленная в тексте лексема «свой» актуализирует ассоциативную линию «родной» — «близкий» — «отец». Таким образом, профессор Фрязин становится для мальчика некой заменой отца-наставника, с которым разлучила его судьба.

В обоих произведениях есть сцена спора между героями о роли науки и о людях, ею занимающихся. В повести «В новую жизнь» спор происходит на фабрике:

— Помните вы лекцию... лет шесть назад?.. Ну вот... Помните, как вы были растроганы и потрясены?.. Может быть, эта лекция и вас заставила думать, взяться за книжки, читать, разбираться, надеяться...

— Верно... это верно...

— Ну, вот. А ведь профессор молотом не работал, но зато дни и ночи работал в своем кабинете и лаборатории. Разве он ничего не сделал для народа?.. <...>

— Вы уж не попомните, глупость вышла. Знаете, обидно вдруг стало. Пришли вы чистый, бодрый такой, смотрите, а мы... Ну, и резнуло, и все из головы вышло... Ожесточает эта работа вечная (НЖ, 132—133).

У Короленко герои также спорят о лекции профессора:

Говорили о лекции Изборского. Одни доказывали, что преступно заниматься наукой, пока она является чужеродным растением на теле бедствующего народа... Другие отстаивали точку зрения Изборского (368).

В сценах спора отражаются настроение, корни которого следует искать в исторической и социальной действительности России. Оба литератора, обладая чутким чувством времени, схожим образом передают эти настроения в обществе. И если Короленко лишь обозначает предмет спора, то Шмелев в словах главного героя показывает попытку соединения как разных точек зрения, так и разъединенных в реальной жизни людей. Академик Тимирязев, явившийся прототипом обоих образов, всю свою жизнь посвятил популяризации научных знаний среди простых людей, которые, даже случайно взявши его самый знаменитый труд «Жизнь растений», смогли бы понять написанное без специальных знаний.

И В. Г. Короленко, и И. С. Шмелев при создании образа ученого в своих произведениях намеренно ориентируются на образ реального и очень популярного в те времена ботаника Тимирязева. Вводя персонаж, в котором довольно легко узнается их современник, авторы способствовали тому, что произведения обрели напряженное публицистическое звучание. Новое видение человека науки, художественно представленное в произведениях Шмелева и Короленко, открывает путь в широкое литературное пространство, предвосхищая появление таких ярких образов ученых, которые мы находим в произведениях М. А. Булгакова, Д. А. Гранина, В. Д. Дудинцева и других авторов литературы XX века.

Примечания

* Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX—XX вв.» (№ 34.1126).

¹ *Матеріялисть* (м.) вещественникъ, вещесловъ, чувствѣный, животный человекъ, кто вѣритъ въ однѣ вещественныя силы, принимающій не духъ, а вещество и плоть за причину и сущность всѣхъ явленій (см.: Даль В. И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. СПб.; М.: Изд-е книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. Т. II. С. 311).

² *лучшая вписано.*

³ Шмелев И. С. В новую жизнь. Черновой автограф // НИОР РГБ. Ф. 387.1.13. Л. 70 об. Далее ссылки на этот источник приводятся с использованием сокращения (ЧА) и указанием номера листа в круглых скобках.

⁴ Шмелев И. С. Въ новую жизнь. М.: Изданіе редакціи журналовъ «Юная Россія» и «Педагогическій листокъ», 1907. С. 101. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения (НЖ) и указанием страницы в круглых скобках. Цитаты из первого прижизненного издания повести «В новую жизнь» приводятся в современной орфографии.

⁵ *Было: 50 — исправлено автором: 45*

⁶ *Было: а. съ маленькой уже порѣдѣвшей б. гладко [с] съ подстриженными [расчес.] на проборъ волос — исправлено автором: высок<аго> роста*

⁷ *Далее было: а. въ в б. т. наз. эспаньолка*

⁸ См.: Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М.: Госуд. изд-во худож. лит., 1954. С. 494.

⁹ Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М.: Госуд. изд-во худож. лит., 1954. С. 357. Далее ссылки на рассказ «С двух сторон» В. Г. Короленко, опубликованный в этом издании, приводятся в тексте статьи с указанием номера страницы в круглых скобках.

¹⁰ Эти слова сказал о лекциях Тимирязева его ученик Л. С. Цетлин. Цит по: [5, 43].

¹¹ Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия / авт.-сост. д-р ист. наук, проф. В. Э. Багдасарян, д-р ист. наук, проф. И. Б. Орлов, д-р ист. наук В. Л. Телицын; под общ. ред. В. Л. Телицына. М.: ЛОКИД-ПРЕСС, 2003. 495 с.

¹² Шмелев И. С. Полочка // Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 8 (доп.). С. 97.

Список литературы

1. Гусейнов Р. А. Образ ученого в фантастике Жюль Верна и Александра Беляева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2013. — № 9 (27). — Ч. 1. — С. 51—56.
2. Денисов С. Ф., Денисова Л. В., Чинакова Л. И. Влияние науки на искусство // Омский научный вестник. — 2012. — № 3 (109). — С. 242—246.
3. Костылева И. А. Начало пути. Творчество И. С. Шмелева Владимирского периода // Дорога к солнцу: владимирский период жизни и творчества Ивана Сергеевича Шмелева. — Владимир: Транзит-ИКС, 2013. — С. 29—36.
4. Котов А. Владимир Галактионович Короленко (Критико-биографический очерк) // Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 10 т. — Т. 1. — М.: Госуд. изд-во худож. лит., 1953. — С. V—XLVIII.
5. Лишевский В. П. Ученые — популяризаторы науки. — М.: Знание, 1987. — 141 с.
6. Неклюдова Е. Образ доктора в русской литературе XIX века // Русская филология. 10. Сборник научных работ молодых филологов. — Тарту, 1999. — С. 63—69.
7. Черников А. П. Проза И. С. Шмелева: концепция мира и человека. — Калуга: Калужский областной институт усовершенствования учителей, 1995. — 344 с.
8. Шарапенкова Н. Г. Крестный путь героя. Ветхозаветные и евангельские мотивы в романе «Москва» Андрея Белого // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. — Вып. 10: Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр. Вып. 7. — С. 301—314.

Oksana A. Sosnovskaya

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
sosna2679@yandex.ru

I. SHMELEV AND V. KOROLENKO: THE IMAGE OF A SCIENTIST IN LITERATURE OF THE TURN OF THE 19th—20th CENTURIES

Abstract. The development of belles-lettres at the turn of the 19th—20th centuries is characterized by a persistent search for new spiritual and moral foundations and artistic images required for revealing the world perception typical of the epoch. One of those was the image of a scientist, that appeared in literature of that period as an artistic whole. The present work is an attempt to explore this image based on the writings of two authors — the story “Toward a new life” by I. S. Shmelev and the story “On both sides” by V. Korolenko. The works selected for analysis call to one another at different artistic levels. What they have in common is a real prototype of the image of the scientist, that was a famous botanist Timiryazev. In both works the main character is a scientist and mentor of young heroes, helping them to find their path of life. The heroes-scientists of Shmelev and Korolenko represent a new vision of the image of a man of science in literature.

Keywords: I. Shmelev, V. Korolenko, the image of a scientist, the genesis of the image, a mentor, a prototype

References

1. Guseynov R. A. *Obraz uchenogo v fantastike Zhyulya Verna i Aleksandra Belyaeva* [The Image of a scientist in science fiction of Zh. Vern and A. Belyaev]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and practice], Tambov, 2013, no. 9 (27). Part 1, pp. 51—56.
2. Denisov S. F., Denisova L. V., Chinakova L. I. *Vliyanie nauki na iskusstvo* [The impact of science on art]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Scientific Bulletin of Omsk], 2012, no. 3 (109), pp. 242—246.
3. Kostyleva I. A. *Nachalo puti. Tvorchestvo I. S. Shmeleva Vladimirskego perioda* [The Beginning. Shmelev's Creativity of Vladimir period]. *Doroga k solntsu: vladimirskiy period zhizni i tvorchestva Ivana Sergeevicha Shmeleva* [The Road to the sun: Vladimir period of the life and work of Ivan Sergeyevich Shmelev]. Vladimir, Tranzit IKS Publ., 2013, pp. 29—36.
4. Kotov A. *Vladimir Galaktionovich Korolenko (Kritiko-biograficheskiy ocherk)* [Vladimir Galaktionovich Korolenko (A critical and biographical essay)]. *Korolenko V. G. Sobranie sochineniy v 10 tomakh*

- [Korolenko V. G. *Collected works in 3 vols*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1953, vol. 1, pp. V—XLVIII.
5. Lishevskiy V. P. *Uchenye — popularizatory nauki* [Scientists as science popularizers]. Moscow, Znanie Publ., 1987. 141 p.
 6. Neklyudova E. *Obraz doktora v russkoy literature 19 veka* [The image of a doctor in 19th century Russian literature]. *Russkaya filologiya. 10. Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov* [Russian philology. 10. The collection of research works of young philologists]. Tartu, 1999, pp. 63—69.
 7. Chernikov A. P. *Proza I. S. Shmeleva: kontseptsiya mira i cheloveka* [The prose of I. S. Shmelev: the conception of the world and man]. Kaluga, Kaluga regional institute of teachers training Publ., 1995. 344 p.
 8. Sharapenkova N. G. *Krestnyy put' geroya. Vetkhovozvetnye i evangel'skie motivy v romane «Moskva» Andrey Belogo* [The road to Calvary of the hero. The Old Testament and the Gospel motifs in the novel "Moscow" by Andrei Bely]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [The problems of historical poetics]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 2012. Vol. 10: *Evangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII—XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr* [The Gospel text in Russian Literature of the 18th—20th centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre]. Issue 7, pp. 301—314.c

Дата поступления в редакцию: 29. 06. 2015